

ВЕРОНИКА ФОКС

БАГРОВЫЙ
РОМАН

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф75

Фокс, Вероника.

Ф75 Багровый роман / Вероника Фокс. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Love&Crime. Любовь, страсть, преступление).

ISBN 978-5-04-167738-1

Кто бы мог подумать, что Майкл Ким, самый успешный автор последнего десятилетия и любимец миллионов женщин, живет... двойной жизнью? Оказывается, у него есть собственный подпольный бизнес, где крутятся огромные деньги.

Оливия, его новый редактор, об этом пока не догадывается. Майкл и сам не желает, чтобы она узнала о криминальной стороне его жизни, ведь тогда ей будет грозить смертельная опасность.

Но однажды Оливия получает сообщение о том, что должно было навсегда остаться в тайне...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-167738-1

© Фокс В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*Не бывает любви без жертв,
а жертв без любви.*

ПРОЛОГ

Снова гремит выстрел, и голоса смолкают. Мне хочется открыть глаза, но силы меня окончательно покидают, и я отключаюсь, чтобы через какое-то время вновь прийти в себя.

Перед глазами — металлический потолок и яркий свет. Я лежу на полу. Ощущая свой неровный пульс, поднимаю руку, чтобы дотянуться до края стоящего рядом стола. Дотягиваюсь и... влезаю в кровь. Ладонь теперь полностью окрашена в красный цвет. В глазах ощущается напряжение, от которого каждый предмет двоится. «Откуда здесь свежая кровь?» — спрашиваю я саму себя, но не нахожу ответа. Белый свет по-прежнему остро обжигает меня, ввинчиваясь гвоздями в виски и обостряя боль.

Выдохнув, я ощущаю, что мне не хватает сил подняться, рука падает плетью на паркетный пол. Я чувствую каждый удар своего сердца. «Где я оступилась?» — задаю я себе абсурдный вопрос, будучи не в силах что-либо вспомнить. В голове у меня будто ком гигроскопической ваты.

Хочу крикнуть и понимаю, что мне тяжело дышать. По всему телу растекается адская ломота, быстро лишая меня последних сил. Откуда-то издалека вновь доносятся голоса, но мне не удается определить их обладателей.

И снова оглушительный грохот выстрела. В ушах звенит, будто на голову надели чугунную кастрюлю и бьют по ней

со всех сторон. Из последних сил переворачиваюсь на живот, и с моих уст срывается пронзительный крик. Сил едва ли хватит на то, чтобы приподнять голову и оглядеться.

Вижу неподалеку несколько бездыханных тел. Чувствую, как меня охватывает ужас, черными языками пламени завладевая разумом. «Майкл», — вспоминаю я и пытаюсь пошевелиться. Меня окружают крики, голоса мужчин и нескончаемые выстрелы. Приподнимаю голову, преодолевая адскую боль под ребрами. Вижу чьи-то ноги в паре метров от меня. За выстрелами слышу свое имя, но голос, позвавший меня, мне незнаком. Перевожу взгляд в сторону и вижу, как мимо стеллажей бегут люди. Их много. И они явно вооружены.

— Давай, вставай!

Мужские руки меня приподнимают, и я издаю глухой крик, которого сама не слышу. Голова кружится, я теряю равновесие. Яркий свет, ослепивший меня, постепенно тускнеет и обращается в крошечную тьму. Я опять отключаюсь.

ГЛАВА 1

ОЛИВИЯ

— Вот бы еще раз глянуть на него, одним глазком! — говорит Роуз и, откусив красное яблоко, мечтательно смотрит в окно общей кухни.

— Тебе бы только по мужикам ходить, — отзываюсь я, сморщив нос и с ехидством смотря на нее.

— Ну разве он не красавчик, Олли?! Неужели ты не балдеешь от него?

— Он не в моем вкусе.

Сделав глоток горячего кофе, я стараюсь игнорировать ее нытье. «Одно и то же, причем каждый раз!» — думаю про себя, пробуя сосредоточиться на работе.

— Иногда мне кажется, что ты совершенно не разбираешься в мужчинах.

Роуз громко вздыхает, и на кухне воцаряется тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов.

Мы с ней работаем в популярном издательстве «Уокер и Ко», которое в последнее время только и ждет появления на книжных полках нового романа Майкла Кима — восходящей звезды остросюжетной литературы по версии журнала «Нью-Йорк таймс». Молодой автор, стремительно завоевывающий сердца читателей, — его романы буквально заставляют ломать голову над загадкой. Поговаривают, он уже давно опередил по продажам Ю Несбё и Стига Ларссона.

— Мне пора работать, — говорю наконец я, допив кофе и отодвинув кружку в сторону. На дне осталась прозрачная пенка.

— А мне Майкла Кима, пожалуйста! — откликается Роуз, не отводя мечтательного взгляда от окна и накручивая на палец пепельный локон. Эта ее привычка каждый раз выводит меня из себя.

Взяв бумажные салфетки, я с заботой протягиваю их замечтавшейся коллеге. С недоумением моргнув, она вопросительно смотрит на меня, а я дотрагиваюсь до ее роскошных волос и прошу:

— Стол протри, пожалуйста, а то слюнями зальешь пол. Не грех поскользнуться.

Роуз корчит недовольную гримасу и демонстративно отворачивается. «Постоянно одни и те же капризы. Когда она наконец повзрослеет?» — задаюсь я вопросом.

Встав со стула и выйдя из кухни, направляюсь к рабочему месту, стуча каблуками по паркету. Отдел маркетинга буквально кипит и разрывается от множества звонков. В такой обстановке сложно сосредоточиться, каждому приходится как-то адаптироваться. Пройдя дальше, сквозь шум и разговоры, я попадаю в свой отдел. Мой стол стоит рядом со столом главного редактора художественной литературы Маргарет Росс. Чаще всего мы вместе работаем над проектами, которые невозможно вытащить в одиночку. Основная задача коллеги заключается в редактировании книг Майкла Кима. Это ее зона ответственности, которую она ни с кем не собирается делить.

Пожалуй, этого автора прочат новым Артуром Конан Дойлом, иначе я не в состоянии объяснить ажиотаж, вызванный его появлением в издательстве. Особи женского пола только и делают, что трещат о его Инстаграме: «Ой, только посмотрите, какое у него тело!», «В эту субботу он сидел и работал в той кофейне! Божечки! Она теперь и моя

любимая тоже!» И это продолжается изо дня в день, меня аж тошнит от этого.

Подойдя к столу, я вижу стикер, на котором коряво написано: «Встретимся сегодня в 6 вечера в "Rocket Hall"?» Нахмурившись, краем глаза замечаю стоящего неподалеку мужчину, нервно смотрящего в мою сторону. Фредди Райт, автор записки, работает главным редактором в отделе поэзии. Сделав вид, что понятия не имею, от кого она, я демонстративно разрываю ее на мелкие кусочки и выбрасываю в урну. «Идиот», — устало думаю про себя.

Выведа из спящего режима ноутбук, принимаюсь за дело. На рабочем столе всплывает сообщение, напоминающее о совещании отдела художественной литературы в конференц-зале ровно в 18:00. Посмотрев на часы, я осознаю, что до этого мероприятия остается четыре часа, за которые мне требуется выбрать и отредактировать тексты для согласования. «Вот блин!» — мысленно ругаюсь я, хотя за три года работы в издательстве меня научили быстро находить стоящие вещи, а все остальные отправлять в корзину.

Признаться честно, мне всегда хотелось заниматься каким-то одним хорошо продающимся автором, с которым можно погружаться в тексты с головой и работать, как Маргарет работает с текстами Майкла. Но, к великому сожалению, пока я довольствуюсь лишь отбором и редактурой произведений новых авторов. А они, в особенности на фоне Кима и ему подобных, определенно недотягивают до премии Эдгара Аллана По.

В следующие часы меня поглощает работа. Мне вообще нравится ставить себе дедлайны, ведь они хорошо организуют мой день. «Необходимо привести в порядок хотя бы по два эпизода в рукописях, которые планируется издать стандартным тиражом», — прикидываю я, размышляя о том, насколько же все эти тексты не похожи друг на друга. Маргарет часто говорит, что мой нюх на остросюжет-

ную литературу заслуживает похвалы. Мол, произведения, которые выходят в свет после моей редактуры, всегда хорошо покупаются читателями. Вот только мне интересен сам процесс редактирования, а не слава, которая приходит после. И пускай книги, в которые я вкладываю душу, силы и время, — не бестселлеры мировых стандартов, все же я люблю их. Каждую букву, строчку и запятую. Каждый час, проведенный с авторами в чате или на телефоне.

К примеру, на данный момент меня занимают две истории. Одна — про серийного маньяка, который скрывается перед носом у полиции, а вторая — психологический триллер, в котором героиня теряет память и не понимает, что давно связана с криминальным миром. Оба автора еще новички, попали мне на глаза совершенно случайно. Шерстя страницы на литературном портале, я просто зацепилась за одну аннотацию, а когда опомнилась, уже была на середине истории. А другую историю мне подсунула Роуз, которая частенько натывается на рекламу в Инстаграме. Точнее, она отыскала любовный роман, а когда я перешла по предложенной ссылке, я обнаружила остросюжетный роман, привлечший мое внимание обложкой. «Не все могут сразу начать писать хорошо, ведь мастерство на голову не сваливается и с ним вы не рождаетесь. Нужны твердый характер, огромное желание и стальные нервы, чтобы написать хотя бы один сносный роман. И не столь важно, что все истории уже давно рассказаны. Нужно писать, писать, писать и писать. Каждый месяц я отбираю лучшие тексты, которые скидывают мне незнакомые авторы, и эта сторона моей работы требует куда больше сил и энергии, чем редактирование рукописи», — частенько говорю я, общаясь с писателями на специализированных форумах.

Уже практически заканчивая со второй половиной задач по отбору черновиков, я подпрыгиваю от того, что чья-то рука хлопает меня по плечу.

— Ой! — восклицаю я, оборачиваясь.

Мой взор падает на чудовищный клетчатый пиджак со значком "Star Wars" на лацкане. Подняв глаза выше, я натыкаюсь на кривую улыбку и каштановые кудрявые волосы. Это Фредди, и он стоит практически вплотную ко мне. «Господи, ну почему он не может как-нибудь по-другому появляться, а не вечно подкрадываться? Этот персонаж — из тех мужчин, которые не умеют эффектно появляться перед женщиной. Любая его попытка эффектности заканчивается либо комедией, либо трагедией», — думаю я, окидывая его взглядом и в который раз осознавая, что он совершенно не в моем вкусе.

Средний рост и худощавая комплекция, клочковатая щетина, большие голубые глаза и курносый нос, жирной точкой выделяющийся в его внешности, — все это лишь отталкивает меня. А больше всего меня раздражает в нем запах парфюма. Эдакое сочетание древесины и плесени со шлейфом ванили и сигаретного дыма. Уже от одного упоминания последнего я ощущаю тошноту. При этом я знаю, что Фредди имеет репутацию местного бабника, и он часто хвалится в курилке другим мужчинам о том, с какой женщиной вчера отжег в ночном клубе. «Райт работает в издательстве дольше меня на три года, и его придурковатость в поведении с каждым годом растет все больше и больше», — думаю я, не ожидая от него ничего хорошего.

— Оливия, как ваши дела? — спрашивает он.

— Как видите, я работаю, — отрезаю в ответ и отворачиваюсь от него, чтобы опять уткнуться взглядом в монитор ноутбука.

Я испытываю явный дискомфорт, находясь рядом с ним. Фредди же подкатывает ко мне стул и садится так близко, что его колено касается моего правого бедра. «Это еще что за выходки?» — мысленно возмущаюсь я, стараясь держать себя в руках.

— Я вижу, вы сегодня не очень общительны.

— А я заметила, что отдел поэзии опять сидит без работы.

— Вам только кажется, что работы нет, — отвечает он и кладет свою руку рядом с моей, по всей видимости, в надежде дотронуться до нее. — Но она есть. Я же главный редактор, — добавляет коллега, выделяя последние два слова и явно гордясь своим статусом, а затем продолжает: — И это значит, что я могу работать тогда, когда сам хочу.

В какой-то момент он начинает напоминать мне типаж петушиного героя, который вечно и при любой возможности пытается рассказать всем о том, какой же он важный. «Интересно, у него всегда такой недостаток внимания или этот пижон просто хочет потрахаться?» — задумываюсь я, недовольно сдвигая брови, и спрашиваю:

— Мистер Райт, вы ведь уже не так молоды, не правда ли?

— Взрослые мужчины более опытные, вы об этом не думали? — отзывается Фредди, наклоняясь ко мне так, что я чувствую его дыхание на шее.

«Мне нужно что-то сделать, чтобы избавиться от назойливого собеседника и этого мерзкого ощущения». Я спешно оглядываюсь по сторонам. Первое, что попадает на глаза, — тяжелые папки с рукописями, которыми легко можно убить. Я машинально хватаю почему-то самую тонкую и резко встаю, отчего спинка стула неожиданно разворачивается на девяносто градусов и впечатывается мужчине в скулу. Фредди, взвывая от неожиданности, быстро прикладывает ладонь к покрасневшей коже. Что до меня, я лишь сдерживаю победоносную улыбку и радуюсь возможности отплатить ему за навязчивость. «О, как же я довольна этим моментом!» — мысленно ликую я, но, повернувшись, изображаю удивление и обеспокоенно спрашиваю:

— Ой, мистер Райт! Как же так вышло?

— Кажется, спинка стула ударилась о мою скулу, — бормочет он, все еще потирая ладонью ушибленное место.

«Как жаль, что твое слабоумие ничем нельзя травмировать!» — со злостью думаю я.

— Серьезно? — Повысив голос на последнем слоге, едва не хохочу от собственной наигранности.

— Оливия, не переживайте, я в порядке.

— Ну и славно. А то я подумала, что вы захотели добавки.

Смотря на Фредди, я все гадаю, когда же ему надоест устроенный им цирк. Просверлив его взглядом и не добившись понимания, пожимаю плечами и направляюсь в библиотеку. И, что самое неприятное, отдаляясь от мужчины, я ощущаю, как его взгляд буквально пожирает меня. «Вот же чертов извращенец!» — ежась от отвращения, мысленно ругаюсь я.

ГЛАВА 2

МАЙКЛ

Застегивая ширинку, я пытаюсь перевести дух.

— А ты был неплох, — говорит Эрика, вытирая салфеткой рот.

Я молчу. «Молчание — золото. Тем более в наше время», — проговариваю про себя, ведь мне не хочется ни о чем думать в эту минуту. Пожалуй, я желаю лишь тишины. Но эта женщина со мной не согласна.

— Все нормально? — спрашивает она.

Меня это раздражает. «Почему женщины всегда хотят повиснуть на шее или неустанно болтать после секса? Никогда не найду ответа на этот вопрос». Я разворачиваюсь к ней.

— А должно быть ненормально? — уточняю в ответ, накидывая пиджак на плечи и поправляя футболку, выбившуюся из брюк.

— Я просто спросила, — обиженно отзывается Эрика, поджав губы.

Сделав глоток виски и тем самым окончательно опустошив стакан, я направляюсь к выходу. Открывая дверь, слышу брошенное мне в спину:

— До встречи.

Не оборачиваясь и ничего не отвечая, закрываю дверь за собой. Минуя ресепшен, игнорирую прощание секретарши и вызываю лифт.

Позади меня слышатся хихиканье и шепот девиц, которые едут со мной вниз. Мне нравится, когда слабый пол не может устоять от обсуждения меня самого. Возможно, если бы не моя спешка на встречу с Маргарет, я бы мог заняться этими цыпами. Поворачиваясь назад, бросаю на них взгляд без всяких приличий, будто раздеваю их. Одна стремительно краснеет от смущения, вторая старается не смотреть мне в лицо. «Люблю доминировать над ними. Женщину очень легко подчинить себе. Стоит лишь понять, чего она хочет, вот и весь секрет. Желает ли она быть подчиненной или сама доминировать. В каждом из нас сохранился животный инстинкт, и как бы его ни заглушали СМИ, психологи и прочие активисты, он всегда останется с нами, хотим мы этого или нет», — размышляю я, вновь отворачиваясь от незнакомок.

Вытащив из кармана и надев солнцезащитные очки, выхожу из лифта и улыбаюсь дамам самой соблазнительной улыбкой. Я знаю, что это еще долго будет ими обсуждаться, они непременно начнут кудахтать о том, как великий Майкл Ким подарил им свой взгляд. И от осознания этого мое настроение стремительно поднимается.

Заведя машину, я отправляюсь к Маргарет, но по дороге решаю заехать в кафешку и подкрепиться. Неожиданно на моем телефоне высвечивается уведомление от Эрики: «Я все еще не могу успокоиться после нашей встречи».

«Вот дура. Она прекрасно знает, что у нас все обоюдно. Я хочу — она дает, вот и все. Ни о каких сентиментальностях в нашем соглашении и речи быть не может», — приподняв одну бровь, думаю я, откладываю телефон в сторону и прибавляю газ.

Оставляю машину у «Старбакса» и захожу внутрь. Заказ у меня скромный, потому что я особенно не проголодался. Выбрав в меню киш и двойной американо, сажусь в самый дальний угол. Я люблю внимание, даже слишком, но не выношу его во время трапезы. «Вечно какие-то раскрашенные куклы прибегают, чтобы я оставил им свой автограф. Без капли совести! Ем я, пью или разговариваю по телефону — им все равно», — приходит ко мне мысль, сопровождаемая легким раздражением.

Временами, как раз в такие минуты, я отчаянно хочу перевернуть стол или вылить на фанаток остатки кофе. Слыша о подобном, Маргарет частенько упрекает меня в излишней жестокости и бесчувственности, но я не вижу в этом ничего запретного или жестокого. Когда ты подписываешь книги и какая-нибудь поклонница начинает чуть ли не совать их тебе в рот, нехотя теряешь самообладание. «Ну да, в моей жизни есть такой случай, когда я оттолкнул от себя фанатку, которая попыталась повиснуть у меня на шее. Увы, мне даже пришлось извиняться за случившееся, ведь она, помнится, едва не вывихнула лодыжку. А другой подобный момент произошел совсем недавно. Устав от чрезмерной назойливости репортера, я вылил на нее бутылку воды и попросил удалить эту назойливую пиглию из зала. Ведь выбесила же она тогда меня, мразота!» — вспоминаю я, ожидая заказ.

Быстренько доев свой мини-обед, я направляюсь в издательство. Встреча намечена на шесть часов вечера, поэтому у меня останется время поболтать с Маргарет. «Все-таки из нее вышла прекрасная подруга. Даже не знаю, что будет дальше», — с теплотой думаю я о своем редакторе.

Дорога оказывается совершенно свободной. Я быстро добираюсь до места, беру с собой сменную одежду и направляюсь ко входу. В офисе меня знают все и, слава богу, не вешаются на шею, как многочисленные поклонницы.

Оказавшись на нужном этаже, я успеваю заметить, как неприметная серая мышка ударяет спинкой стула какого-то дрища. «Ну и зрелище, ха!» — забавляюсь я, на пару мгновений замедляя шаг. Картина выглядит настолько иронично, что я даже не представляю, почему другие не обращают внимания на происходящее. «Псевдознойная тигрица против побитого пса. Как минимум, это хорошая идея для любовного романа», — задумываюсь я.

Однако мое раздумье прерывает Маргарет хлопком по плечу.

— Ты так рано! — восклицает она. — Я ждала тебя позже.

— Освободился пораньше, чтобы кое-что обсудить с тобой.

— Что же это может быть?

Я усмехаюсь и шепчу ей на ушко:

— Пройдем в кабинет, и я покажу...

Женщина лишь косит взгляд, давая понять, что мои уроки соблазнения ей неинтересны. Улыбнувшись, я направляюсь за ней в переговорную.

ГЛАВА 3 ОЛИВИЯ

Библиотека — это настоящая сокровищница издательства, где огромные белые стеллажи в большом количестве располагаются вдоль длинной дорожки. Я знаю, в каком месте находится каждая из книг, а еще все годы издания последних. В этом месте у меня частенько получается побыть наедине с собой, вдали от посторонних глаз и назойливых пижонов.

«Фредди Райт уже больше трех месяцев пытается пригласить меня на свидание. Детские записки, кривые подмигивания, тщетные попытки сходить вместе на обед — и так изо дня в день. Этому представлению нет конца и края, а началось все с весеннего корпоратива, который устроили в честь огромных продаж очередного детектива Майкла... Майкл! Терпеть не могу это имя!» Я отчетливо вспоминаю момент, когда Фредди перебрал с выпивкой и начал клеиться ко мне, буквально не давая проходу. «Да... В тот день я впервые увидела Майкла Кима. Тогда я пробиралась через танцпол к барной стойке, чтобы заказать себе стакан воды, а за мной по пятам шел поддатый Райт. Отчего-то я была уверена, что если направлюсь в дамскую комнату, он и там будет поджидать меня у кабинки. Получив стакан, я увидела, что эта ходячая катастрофа ко мне приближается. Не имея возможности придумать ничего дельного, я озиралась по сторонам и искала хоть кого-нибудь, к кому можно присоединиться, и таким образом избежать разговора с Фредди. Повернувшись спиной к танцполу в ожидании, что он спутает меня с какой-нибудь другой женщиной, я столкнулась с Майклом, который стоял на расстоянии вытянутой руки и странно пялился в мою сторону. Почему-то мне запомнился его взгляд: холодный, хмурый, бездонный. От него меня бросило в дрожь. Мужчина был высоким и довольно накачанным, а его татуировки отчетливо проглядывали сквозь тонкую белую ткань рубашки. Это был первый раз, когда я так близко стояла к нему. Майкл хмуро посмотрел в мои испуганные глаза, кричащие о помощи, и понял все без слов. Когда Фредди подошел к нам, он его придержал и что-то шепнул ему на ухо. Мой навязчивый поклонник на полголовы ниже Кима, поэтому последнему пришлось слегка наклониться. Я не расслышала его слов из-за грохочущей музыки, но Райт тотчас развернулся и со стеклянными глазами ушел в другую сторону. До сих пор не понимаю, как

Майклу это удалось? Но больше меня тогда взволновал его взгляд. Он сделал глоток из стакана и продолжил смотреть на меня, будто чего-то ждал. От его пристального внимания меня охватил холод. Быстро прошептав губами «спасибо», я отправилась искать Роуз, флиртовавшую с журналистами и собиравшую все сплетни. С тех пор я больше и не пересекалась с Майклом...»

Припоминая все моменты нашей единственной встречи, я иду вдоль книжных полок, скользя по ним немного рассеянным взглядом. Мне нравится проводить время в библиотеке, устроившись на пуфике рядом со стеллажом классики, где лучше всего получается собираться с мыслями.

Пока я разбираю свои спутанные воспоминания, занимая любимое место, откуда-то появляется Барри Уокер и останавливается напротив меня.

— Оливия, что ты тут делаешь? — с удивлением спрашивает он.

Барри — коммерческий директор издательства. Он довольно высокий и статный, а еще всегда одевается с иголочки: белоснежная рубашка, идеально пошитый черный костюм и до блеска натертые ботинки. Его отличают голубые глаза и русые волосы, и он всегда держит себя в форме, хотя ему уже под пятьдесят. Мы часто встречались с ним на этом месте, но никогда не спрашивали друг у друга, почему приходим сюда.

— Знаете, мистер Уокер, тут прекрасный вид из окна, — говорю я ему.

Барри удивленно поворачивается к окну и видит там парк с зигзагообразными дорожками, которые скрываются из вида листвой деревьев.

— И правда, вид просто прекрасный, — соглашается он, затем поворачивается обратно ко мне и интересуется: — Могу я присесть рядом?

Я одобрительно ему киваю.

— Оливия, как по-твоему, — поправляя свой костюм, он опирается локтями на свои колени, — что порождает союз желаний и мастерства?

— Шедевры. Джон Раскин, — незамедлительно отвечаю я.

— Абсолютно верно. Но что любопытно, найти этот союз очень сложно.

— А что, если человек не знает, где искать желание и как оттачивать мастерство?

— Тогда ему на помощь приходит общество, которое пробуждает в нем желание оттачивать мастерство, логично?

— Не всегда, — сухо отзываюсь в ответ.

— Приведи пример, — предлагает он.

Недолго думая, я прижимаю к себе папку и поясняю:

— Молодой автор, который задал себе вопрос, о чем он хочет написать книгу, имеет только желание ее написать. Он ее пишет, пишет и пишет. Мастерство пера у него нулевое. И, вне всяких сомнений, на помощь к нему приходит общество. Оно настолько сыто и напичкано «шедеврами» литературы, что молодому автору приходится перекраивать свою рукопись под моду. Приходит день, когда он отправляет ее в издательство, но оттуда приходит отказ. Он отправляет ее в другое издательство — и там отказ. И так по кругу, пока его список с адресами не иссякнет. Что тут может побудить автора на сотворение шедевра? Желание есть. А мастерству откуда взяться?

— Чтобы добиться чего-нибудь, надо не стоять на берегу, дрожа от страха, а смело нырять в воду и грести изо всех сил.

— А если не умеешь плавать?

— Джоанн Харрис написала три книги, ни одна из которых не была издана раньше четвертой книги «Шоколад», пока она не стала мировым бестселлером и по ней не был снят не менее популярный фильм. А рукопись Ме-

лоди Битти «Преодоление созависимости» была отклонена двадцатью издательствами...

— ...И в дальнейшем продана тиражом в пять миллионов экземпляров, — заканчиваю я, глубоко вздыхая и поправляя платье, которое чуть-чуть задралось на коленках.

— Не каждый может сотворить шедевр, но каждый может попробовать.

Барри доброжелательно улыбается мне, и я машинально улыбаюсь в ответ, переводя взгляд на окно. «В чем-то он прав», — приходит ко мне понимание, но меня все равно терзают мысли о том, что многие шедевры остаются не замеченными издательствами. «Они попросту не влезают в бюджет, а потом о них забывают напрочь», — думаю я не без грусти.

— Знаешь, что самое ужасное? — начинает Барри, заглядывая мне в глаза. — Когда свято веришь в то, что от одного произведения зависит вся твоя писательская карьера. — Он глубоко вздыхает и опускает голову. — Ведь никто не даст тебе гарантий того, что оно будет опубликовано и признано публикой во всем мире.

— И что делать?

Он поднимается с пуфика, поправляет галстук и отвечает:

— Открой миру то, что без тебя навсегда осталось бы скрыто¹.

Я лишь улыбаюсь мистеру Уокеру и его очередному цитированию моей любимой книги. В его словах всегда таится скрытый подтекст. Иногда они носят философский характер, а иногда помогают справиться с внутренним страхом или даже гневом. Он умеет подбирать правильные слова и формулировки, которые придают достаточ-

¹ Цитата Робера Брессона из книги «Школа литературного мастерства» — *здесь и далее прим. авт.*

но сил, чтобы поверить в себя и отбросить все сомнения, живущие в голове.

Попрощавшись со мной, Уокер размеренно направляется прочь, а я смотрю ему вслед, размышляя о том, что нужно доделать работу к началу собрания.

Под конец рабочего дня я корректирую отчет о проделанной редакции и вношу последние правки в эпизоды, которые хочу закончить сегодня. Погода за окном стремительно портится, начинается сильный ветер с дождем, но это ничуть мне не мешает. Через открытую форточку проникает прохладный ветерок, задевает ближайшую стопку бумаг с рукописью, отчего та тихо покачивает верхними листочками. Добавив последнюю правку и нажав Enter, я отправляю в печать готовый отчет. Офис пустеет, коллеги постепенно расходятся по домам, оставляя работу на завтра. Мне же никогда не нравилось оставлять дела на утро, ведь если можно сделать все сейчас, то почему бы и нет?

Принтер нехотя выплевывает листок и глухо трещит. Подойдя к нему и забрав из лотка готовый отчет, я оборачиваюсь и испуганно вскрикиваю от неожиданности:

— Боже мой, мистер Райт! Зачем так пугать?

Практически вплотную ко мне стоит Фредди. «Твою же мать! В могилу сведет своими подкатами!» — мысленно чертыхаюсь я, а он строит миленькую ухмылочку и общает:

— Это всего лишь я, но ты могла бы называть меня и так. Я не против.

Его взгляд падает на мои губы, он бурчит что-то нечленораздельное, я не могу разобрать ни слова.

— То есть, мистер Райт, вы подтверждаете тот факт, что вы ограничены и умны, как пень в лесу, и до вас мало что доходит? — вопросительно подняв бровь, уточняю я и огибаю его, чтобы стремительным шагом вернуться к столу.

«Сколько в этом придурке самоуверенности? Каждый раз получая отказ, он пытается снова и снова. Это прев-

ращается в цирк на колесиках, от которого моя психика точно скоро поедет».

Фредди мгновенно поворачивается и медленными шагами, словно кошка на охоте, начинает подходить ко мне сзади.

— Я смотрю, Ее Величество Оливия любит изображать недотрогу?

Услышав последнее, я изо всех сил пытаюсь сдержать смехок. «Какую, к черту, недотрогу?» — думаю я и, пока он целеустремленно приближается ко мне, пробую сообразить, как бы побыстрее от него избавиться.

— По офису ходит слух, что непревзойденный Фредди Райт — дамский угодник и может любую женщину влюбить в себя по щелчку пальца, — выдавив это из себя, я стараюсь унять дрожь в голосе и сделать вид, что не обращаю внимания на сокращение дистанции между нами.

— Разве это плохой слух? — спрашивает непрошенный ухажер, снова вплотную подходя ко мне, отчего я чувствую на шее его дыхание, подавляя приступ тошноты.

— Слух неплохой, — соглашаюсь я, поворачиваюсь к нему лицом и встречаюсь с ним взглядом.

Он не может отвести глаз от четких очертаний моих губ. «И чем же они его так пленили? Неужели он фантазировал что-то прямо сейчас?» — слегка поморщившись, задаюсь я вопросом, а он как замороженный продолжает смотреть на меня. Мое дыхание достаточно прерывистое, и мне видно, что кровь приливает к его щекам. Он вытягивает шею, чтобы поцеловать меня, но я прерываю его, громко заметив:

— Но, к великому сожалению, вы напоминаете мне венский стульчик¹.

¹ Устойчивое выражение. Венский стульчик — старый, дряхлый, допотопный.

Фредди замирает на месте. Его губы кривятся недовольной улыбкой, а в глазах застывает недоумение. Растерявшись, он выглядит настолько глупо, что я не сдерживаюсь и хохочу, звонким голосом добавляя:

— Хорошей охоты, мистер Райт!

Я шагаю в конференц-зал, где уже через несколько минут начинается совещание. Вдогонку я улавливаю что-то невнятное, вроде «я подожду тебя здесь» или что-то в подобном роде. В тот момент я испытываю маленькую радость от победы, одержанной под натиском навязчивости этого поэта-купидона.

Подходя к месту собрания, я слышу знакомые голоса и замедляю шаг. Один звучит спокойно, это размеренный, мягкий, немного прокуренный баритон. Второй же принадлежит женщине и разбавляется ее звонким хохотом, что кажется наигранным. Мне сразу становится понятно, кто ожидает меня за дверью. «Майкл Ким и Маргарет Росс», — приходит ко мне осознание, которому я не слишком рада.

ГЛАВА 4

МАЙКЛ

Мне нравится, что Маргарет понимает меня с полуслова. Наверное, это единственная женщина, которая может понять и принять все мои капризы. Дело даже не в ее мудрости и отзывчивости, а в ней самой. Она словно мое отражение, только более женственное и мягкое, а еще совершенно невспльчивое. Мы всегда можем найти общий язык, а сама она подчиняется мне и боготворит меня, но только не как автора, а как мужчину. И, черт возьми, мне это нравится! Именно поэтому я немного грущу, что наши деловые отношения подходят к концу.

Маргарет старше меня на семь лет и имеет куда больший багаж знаний, чем я. Устроившись друг напротив

друга, мы с теплотой вспоминаем время, когда кропотливо работали над редактированием моих рукописей.

— И вот я говорю тебе: «А почему убийца носит кафтан, а не орден куртуазных маньеристов?» А ты такой: «Ну не всем же одеваться по моде, как мне!» — говорит она, и мы хохочем от радости и горя в унисон. Нас одолевают грустные эмоции, и только с Маргарет я в состоянии их выражать.

В какой-то момент раздается стук в дверь. Я поворачиваю голову и вижу на пороге Оливию Кларк — ту самую девчонку, которая будет работать со мной вместо Маргарет. «Кажется, я видел ее на весеннем корпоративе полгода назад», — слегка прищурившись, припоминаю я.

Она попалась мне на глаза, когда мероприятие только начиналось, причем совершенно случайным образом. Оливия вошла в зал на высоких шпильках, да еще и в очень сексуальном платье, поэтому ее просто невозможно было не заметить. К ней быстро оказались прикованы взгляды всех собравшихся мужчин, оценивших ее как добычу. Каждый из них растерзал бы девушку на месте, несмотря на все напускные приличия. Поглядывая по сторонам, я видел это и был полностью солидарен с ними. «Женщины всегда опасны, с ними нужно играть осмотрительно. Один шаг в сторону — и игра примет совсем другой оборот», — пришла тогда ко мне мысль. Весь тот вечер я грезил образом этой маленькой девочки, которая произвела на меня неизгладимое впечатление. «Кто бы мог подумать! Оливия Кларк, такая неприметная мышка у нас в офисе, но такая страстная дева вне его стен», — размышлял я в тот вечер, пожирая ее глазами.

В самый разгар корпоратива мы снова пересеклись. Я стоял у барной стойки и спокойно попивал виски, как вдруг появилась она. И едва только в поле моего зрения снова попала эта сногшибательная красотка, в голове у меня снова вспыхнули самые откровенные фантазии.

Ее огненные волосы были завиты в крупные локоны, которые растекались по шее так сексуально, что, стоя рядом, я едва не потерял над собой контроль. Из-за высоких спилек ее ягодицы выглядели такими круглыми, что мне сразу же захотелось сжать их в своих руках. «И почему женщины так ходят не всегда?» — задавался я вопросом, а в голове у меня возникали различные эротические картины. Мое воображение быстро нарисовало мне, как можно накручивать ее роскошные волосы на кулак, чувствуя наше общее возбуждение, становящееся с каждой секундой все сильнее. «Должно быть, хорошо слышать ее стоны и вздохи и чувствовать запахи», — размышлял тогда я, ощупывая ее взглядом и не имея возможности прекратить думать о ней. Она выглядела просто бесподобно.

Мне хотелось еще немного продлить момент наслаждения собственными грезами, однако... нас прервал тот урод. Фрэнк или Фредди, кажется. Мне не запомнилось его имя, но, черт возьми, он испортил буквально все! В глазах Оливии хорошо читались страх и непонимание, поэтому мне пришлось взять ситуацию в свои руки. Мною двигало огромное желание отодрать ее, причем совершенно неважно, где. Я хотел ее, откровенно раздевал глазами и представлял, как она беззащитно стоит передо мной в одном кружевном белье и не знает, что делать дальше. Гадал, как подчинить ее себе и овладеть ею. Я увлекся своим желанием настолько, что не заметил, как она быстро удалилась обратно в огромную толпу людей, хаотично двигавшуюся под ритмы музыки. Просто растворилась. А с ней исчезли и все мои надежды...

Немного растерянно моргнув, я выныриваю из воспоминаний и вновь смотрю на девушку. За последнюю неделю Маргарет много чего рассказала мне о ней и о ее успехах. Последние меня не затронули, ведь, если быть откровенным, я до сих пор хочу Оливию в том элегант-

ном черном платье. «Причем хочу сию же минуту!» — понимаю я, ощущая накатывающее возбуждение.

— Добрый вечер, Майкл, — приветствует меня объект моих размышлений, и ее голос звучит мягко и уверенно.

— Ага, привет, — отзываюсь в ответ.

— Оливия, присоединяйся к нам! — предлагает Маргарет и указывает жестом на свободный стул.

«Она всегда добра ко всем, но только мне не совсем понятно, почему», — мелькает у меня мысль, когда я бросаю взгляд в сторону своего редактора.

Оливия послушно заходит в конференц-зал, закрывает за собой массивную дверь и усаживается на указанное место. «Интересно, а в постели она тоже ведет себя послушно? Что-то есть в ней притягательное, но что именно, никак не могу понять», — продолжаю гадать я, внимательно разглядывая ее. На этот раз она одета весьма безвкусно: серая юбка чуть ниже колена, розовая блуза, помявшаяся за рабочий день, на плечи наброшен серый пиджак, что прибавляет ей возраст и выделяет сероватость лица. «А вот в обуви у нее вкус превосходный», — опустив глаза вниз, отмечаю я, не без удовольствия разглядывая классические туфли на шпильках графитового оттенка, которые визуально удлиняют ее ноги. В момент слабости, длящийся всего долю секунды, я ловлю себя на мысли, что хочу прижать Кларк лицом к массивному дубовому столу и услышать, как она умоляет меня остановиться. «Черт возьми, это возбуждает!» — сцепив зубы, прихожу я к выводу, но одергиваю себя.

Тем временем, разложив отчеты, она тихо спрашивает:

— Кофе? Чай?

— Если у тебя нет коньяка, то ты зря сюда явилась, — сухо отрезаю в ответ.

Как только Оливия открывает свой похотливый ротик, она начинает меня бесить. Ее голос оказывается приятным, но в данный момент я не хочу его слышать. «Оли-

вия не только нарушила наш милый диалог с Маргарет, но и всполошила во мне прежние фантазии, тем самым разозлив меня. Маленькая дрянь!» — ругаюсь про себя, на миг прикрывая веки.

— Майкл! Не будь таким невежливым! — тут же сердито бросает Маргарет, постукивая ногтями по столу.

— Хороший коньяк подобен женщине, — откликаюсь я, резко переводя взгляд на Оливию и заглядывая в ее карие глаза. — Не пытайтесь взять его штурмом. Понежьте, погрейте его в своих руках, прежде чем приложить к нему губы.

Девушка смотрит на меня с каменным лицом, будто пропуская все мимо ушей. Поймав себя на мысли, что мне нравится ее покорность, я облизываю губы, продолжая смотреть на нее. И вот, секунду спустя, она заканчивает цитату, выданную мной:

— Уинстон Черчилль.

— А ты, я смотрю, мозговитая девочка, — отмечаю я, выдавливая из себя ехидную улыбку, после чего перевожу взгляд на Маргарет.

Последняя, демонстративно цокнув языком, принимается перебирать бумаги, которые подает ей Оливия. Что до меня, то я просто сижу и наблюдаю за девчонкой, бессовестно скользя взглядом по ее одежде и представляя, как раздеваю ее при свете дня. Изучаю ее мимику, жесты, взгляд. Ее ямочки на щеках будоражат меня, вызывая излишне бурные фантазии, которые я изо всех сил стараюсь контролировать. Нас разделяет всего пара метров, но мне кажется, что она совсем мне недоступна.

Во мне бушуют сомнения, я опасаясь, что она примет заготовленную новость как должное. Мне хорошо известно, как она относится к моему творчеству, уже доводилось слышать, что она говорит обо мне. И все эти гадости, исходящие из ее ротика, до сих пор пробуждают во мне желание наказать девушку самым жестким способом.

Пока я наблюдаю за Оливией, в конференц-зал заходят финансовый аналитик Чедд Кармон, маркетолог Айша МакПолс, художник Питер Фродд и коммерческий директор Барри Уокер. Я пожимаю руки Чедду, Питеру и Барри.

— Ну что, господа! Я рад вас снова здесь видеть, в особенности в преддверии редактирования моей новой рукописи!

Все, кроме Оливии, доброжелательно улыбаются. Ее спокойное выражение лица раздражает меня. «Интересно, о чем она сейчас думает?» — гадаю я, бросив на нее быстрый взгляд.

— Майкл, я слышала, твои книги до сих пор никто не может перебить по продажам? — игриво обращается ко мне Айша.

— Очередной дополнительный тираж имеет место быть, — с улыбкой отзывается Маргарет.

— Мои книги популярны. Востребованы. Их хочет заполучить каждый, кто приходит в книжный магазин или заглядывает на интернет-площадку. Все потому, что они — олицетворение божественности, — уверенно сообщаю я.

— А у тебя самооценка не проседает, — сразу же язвит Айша.

— А ей проседать некуда, она слишком высоко находится. Может, дашь мне мастер-класс, как ее опустить? — интересуюсь я в ответ и начинаю сверлить ее взглядом, прекрасно зная, что ей это не нравится.

«Айша — ни рыба ни мясо. Внешне доска доской, которая при этом пытается выделиться из толпы ярким макияжем и волосами. В общем-то, даже если бы все пластические хирурги в мире попробовали сделать из нее красавицу, им бы это все равно не удалось. Слишком уж она уродлива, как снаружи, так и внутри. И при этом каждый раз хочет победить меня, осадить или подковырнуть, чтобы задеть мою самооценку. Ха! Ей, конечно же,

не удастся это ни сейчас, ни в будущем», — улыбаюсь я с ощущением превосходства.

— Пожалуй, нет, — отвечает она и отводит взгляд в сторону.

Я чувствую сладкий вкус победы. «Кто бы сомневался, что ты сдашься, уродина», — фыркаю я про себя, теряя всякий интерес к беседе и отворачиваясь от Айши.

— Я очень надеюсь, что сегодня мы утвердим эскиз к твоей новой книге, — заявляет Питер.

«О, еще один объект раздражения на сегодня», — едва только услышав его голос, определяю я. Его постоянный энтузиазм бесит меня, причем так, что каждую конференцию у меня буквально чешутся кулаки и я едва сдерживаю себя, чтобы не врезать ему в челюсть. Питер — смазливый паренек, которому родители купили диплом, и он теперь занимает хорошую должность в самом крупном издательстве, хотя никакими выдающимися способностями к своим двадцати восьми годам он не обзавелся. «На кой черт Барри его вообще взял?» — думаю я, а вслух спрашиваю немного о ином:

— А ты что, опять решил удивить меня каким-то новым дерьмом?

В ответ он обиженно прищуривается и затихает. «Подделом! Зачем влезать в разговор, если знаешь, что будешь повержен, тупоголовый?» — пренебрежительно размышляю я, наблюдая за Барри.

Последний прижимает указательный палец к губам и задумчиво смотрит в окно, не говоря ни слова, пока присутствующие обмениваются любезностями. С Барри у нас хорошие отношения, я даже не побоюсь сказать, дружеские. Но он слишком мягко относится ко многим вещам, как мне кажется. «На его месте я точно поступал бы по-другому. Половина офиса давно нуждается в жесткой чистке — что ни отдел, то шлак. Впрочем, мне и без того хватает проблем...» — мелькает у меня мимолетная мысль.

Спустя минуту оживленную беседу прерывают его слова:

— Всем добрый вечер! Мы собрались тут не только для обсуждения редактирования твоей новой книги, Майкл.

Оперевшись на ручки кресла, он переводит взгляд на Оливию. Замечая последнее, я демонстративно принимаю отстраненный вид, будто меня совершенно ничто не интересует. Несмотря на это, мой внутренний голос вопит и пытается вылезти наружу, чтобы самому сообщить этой маленькой дрянн о том, что теперь ей предстоит работать со мной и моими романами. Я предвкушаю ее реакцию, взгляд и эмоции, которые должны последовать за словами Уокера. «Было бы куда лучше, если бы я сообщил ей все наедине. Что бы я тогда увидел? Страх? Непонимание? Агонию?» — гадаю я, наблюдая за девушкой из-под опущенных век.

Мне известно, что способности Кларк в редактировании и отборе новых романов безупречны, однако помимо нее у меня на примете есть и другие сотрудницы. Что до Маргарет, то она давно настаивает на ней, потому что считает, что мы сработаемся. Я вспоминаю ее утверждение, что характер у Оливии весьма покладистый, но мне кажется, что эта тихая лошадка может задать жару всем, если ее как следует завести. «Хотя ей многому придется научиться, прежде чем она сможет быть такой же, как Маргарет. Ведь никто не говорил, что работать с гениями легко».

Я расслабленно откидываюсь на спинку стула.

— Марго, быть может, ты начнешь? — предлагает Барри Уокер.

— В общем... — Маргарет делает небольшую паузу, набирает в легкие воздух и продолжает: — В общем, у нас в издательстве открывается новая подредакция, которая будет нацелена на нехудожественную литературу.

Глаза Оливии замирают на ней, а сама она внимательно прислушивается к словам руководительницы. Я вижу ее размеренное дыхание, как поднимается и опускается ее грудь. Руки девушки сцеплены в замок — по всей види-

мости, она переживает за свои отчеты. Все остальные уже в курсе новости. Маргарет хотела рассказать и ей тоже, но я настоял на том, что имею право присутствовать при оглашении этих новшеств. Мне необходимо увидеть ее реакцию и понять, готова ли она стать главным редактором моих книг. И пока Маргарет объясняет, какие из моих работ будут в приоритете в первых печатных планах, Оливия продолжает неотрывно смотреть на нее. «Бедная маленькая девочка! Как она будет работать со мной, когда ей противны мои романы? Чем она будет себя убеждать, продолжая выполнять обязанности? Деньгами? Карьерой? Похоже, начинается захватывающее представление!» — с легким азартом понимаю я, довольно усмехаясь.

Маргарет заканчивает речь и передает слово Барри Уокеру.

— Подытожив все сказанное, объявляем, что должность главного редактора остросюжетной литературы и редактора Майкла Кима переходит к Оливии! — сообщает он, и воцаряется полная тишина.

«Бум-бам-бам!» — мысленно добавляю я к общей картине грохот взрывов и пристально смотрю на Кларк, чтобы не упустить ни единой эмоции. Ее глаза стекленеют, она прикусывает щеку с внутренней стороны. Мышцы на лице девушки напрягаются, а все до единого присутствующие смотрят исключительно на нее и ждут, когда она придет в себя. Пара мгновений, и она переводит испуганный взгляд сначала на Маргарет, а потом на меня. В ее карих глазах читаются и радость, и обида, и страх. И признаться, больше всего меня интересует последняя эмоция. «Чего ты боишься, бедная овечка? Что серый страшный волк тебя съест?» — иронично задаюсь я вопросом, слегка приподнимая бровь.

— Это прекрасная новость! — лукаво восклицает Питер и срывается с места, чтобы обогнуть стол и обнять Оливию за плечи. — Я так рад за тебя!

«Господи. Тошнотворное зрелище. Что за телячьи нежности?» — с неодобрением отвожу я глаза в сторону.

— Угу, поздравляшки! — сухо поддакивает Айша.

— Я... — с трудом выдавливает Оливия, у которой, по всей видимости, пересохло в горле. — Я буду очень рада занять эту должность.

Барри Уокер тихо вздыхает, а мне кажется, что для него это решение было сложным. «Как-то раз, еще перед тем, как утвердить Оливию на эту должность, мы общались с ним, и он, несомненно, переживал за нее. Ему эта девушка как дочь, которую он безгранично любит. Барри часто упоминает в разговоре способности этой юной леди, которая за три года работы в его издательстве сделала невозможное. Продажи книг той самой серии, которую она подняла с колен и теперь курирует, показывают очень хорошие результаты. Если не ошибаюсь, ей приходилось работать напролет дни и ночи», — вспоминаю я, косясь в сторону коммерческого директора.

— Ну что ж, Ви. Тебе придется изрядно потрудиться, чтобы мои книги вышли на новый уровень продаж, — говорю я девушке.

— С вами, авторами, поладить легко, если вы любите детей, — отвечает она и смотрит мне в глаза, облизывая пересохшие губы.

«Вот дрянь! Ее колкие слова как мед для моих ушей. Прямо ходячий цитатник!» — мысленно восхищаюсь я ее стойкостью.

— А она не промах! — игриво подмечает Чедд.

— Будь осторожна в своих желаниях, юная леди, — с ехидной улыбкой предупреждаю ее.

— Оливия, я введу тебя в курс дела, чтобы ты понимала, над чем в первую очередь необходимо рабо... — начинает Маргарет, но я перебиваю ее и заявляю:

— Я сам введу ее в курс дела. Так она ближе познакомится с моим творчеством и некоторыми аспектами ре-

дактуры. — Сделав небольшую паузу, я с улыбкой добавляю, повернувшись к своему теперь уже бывшему редактору: — Не волнуйся, Олли справится. В противном случае мне придется ее убить.

Все в кабинете вмиг замолкают. «Кажется, моя шутка заставила их испугаться. Интересно!»

Маргарет натянуто улыбается и восклицает:

— Надеюсь, что до этого не дойдет! Я рада, что Оливия согласилась на эту должность!

Встав со своего места, она подходит к Кларк и обнимает ее за плечи. Последняя слабо улыбается в ответ, все еще переваривая новость.

А я не могу понять, почему она ничуть не засомневалась при ответе. «Девчонка же ненавидит мои книги и знает, что поступает на место Маргарет, где ей придется работать со мной. Может, она втайне грезит об этом? Мысль об этом, конечно, очень приятна моей самооценке, да и интерес к личности нового редактора изрядно подпитывает, однако...» Я бросаю на нее очередной взгляд.

— Все отчеты, которые ты принесла сегодня с собой, можешь передать Маргарет. Она распределит эту работу по другим коллегам, — говорит Барри. — Сейчас твоя первостепенная задача — изучить и составить график редактирования новой рукописи Майкла, чтобы мы смогли уложиться в сроки.

— Я поняла, — отвечает Оливия. — Когда приступить?

Я вполголоса смеюсь. Все-таки я не ошибся в Оливии и ее страсти к работе. Ей нравится зарываться в текст и править работы авторов, чтобы потом с гордостью наблюдать за хорошими продажами. Ах, милая, милая! Ты даже не представляешь, в каком предвкушении я сейчас!

— Я сообщу, когда будет следующая встреча, — сухо говорю я, беру стакан с водой и отпиваю глоток.

— И когда же мне ждать вашего благословения, Майкл?

Ее резкий вопрос застает меня врасплох. Оливия облокотилась о спинку кресла и теперь буравит меня взглядом. Серый пиджак слегка оголил ее мятую блузу, под которой проглядывается очертание бюстгальтера.

— Воу-воу! Смотрите! — восклицает Чедд. — Кто-то выпустил коготки?

Айша и Питер лукаво улыбаются шутке Чедда. Святая троица, кажется, хочет переключить внимание на себя.

— Я еще не дописал последние главы. Как только они будут готовы, ты сможешь приступить к работе.

— Хорошо, — соглашается Оливия.

— А вот я, — перебивает нас Питер, — сделал эскиз обложки для новой книги!

Он протягивает мне папку с листами.

— Пускай Оливия взглянет, — обрываю я его надежду.

Питер с грустью смотрит на меня.

— Когда ты перестанешь быть таким?

— Каким?

— Засранцем!

— Ты хотел сказать, сволочью? — уточняю я.

— Нельзя так выражаться при дамах, Майкл! — восклицает Питер.

— Не думаю, что это слово их удивит. Может быть, от таких выражений можешь упасть в обморок ты, мягкотелый?

— Надрать бы тебе задницу! — фыркнув, Питер отдает папки Оливии и отворачивается к окну.

— За что, мне интересно?

Вот теперь, Питер, ты не просто раздражаешь меня. Я уже представил, как выбиваю тебе зубы, которые с треском сыплются из твоего рта на асфальт. Как ты, дохлый глист, отмахиваешься от моих кулаков, задыхаясь в своих же кровавых слюнях.

Я выхожу из конференц-зала самым последним — слишком увлекся, листая ленту в соцсети и читая хвалебные отзывы про себя. По пути я замечаю Оливию, кото-

рая неподвижно сидит на своем месте, сложив руки на коленях. Остановившись за стеклянной перегородкой, разделяющей коридор и отдел остросюжетной литературы, наблюдаю за ней. В профиль очертания ее лица напоминают мне мою бывшую жену, с которой я разошелся не так давно. Задумавшись, провожу взглядом по ее шее, плечам и небольшой груди. Пытаюсь угадать, о чем она думает и какие чувства испытывает. Понимаю, что мне хочется спросить ее об этом, но вижу Маргарет. Она подходит к ней и начинает разговор, поэтому я отбрасываю свои намерения прочь. «Да, для Оливии сейчас наступят сложные времена. Ей нужно многому научиться, прежде чем мы сможем сработаться. Более того, ей придется подчиняться мне и учитывать все аспекты моей работы с Маргарет». Издав бесшумный смешок, двигаюсь дальше по коридору, оставляя девушек наедине.

Кабинет Уокера — очень просторное и светлое место. И оно мне нравится. Наши вкусы с Барри насчет интерьера полностью совпадают.

— О, Майкл! Заходи! — восклицает он, радушно встречая меня.

— Уже, как видишь, — говорю я и, закрыв за собой дверь, сажусь в кресло напротив него.

Барри — крепкий мужчина, но характером больше напоминает кота Леопольда, вечно говорящего: «Давайте жить дружно!» Я знаю его уже давно, мы познакомились еще до того, как я начал публиковать свои романы в этом издательстве.

— Я думал, огласить новость будет куда сложнее.

— Почему?

— Оливия не так проста, как кажется, — произнеся это, он задумчиво смотрит в окно.

Выдержав небольшую паузу, я довольно сухо сообщаю:

— Если бы я не был так уверен в Маргарет, то не настаивал бы на ее кандидатуре.

Встав, я направляюсь к барной стойке, спрятанной в массивном дубовом шкафу.

— Почему ты ее выбрал?

Открыв шкафчик и осмотрев драгоценные запасы, я достаю коньяк десятилетней выдержки. Барри знает о моем пристрастии к алкоголю, но никогда не читает мне по этому поводу нотации, даже несмотря на нашу разницу в возрасте в двадцать лет. Сам он выпивает редко, да и то лишь на каких-нибудь важных мероприятиях.

— Она не такой циник, как я, — отвечаю я, направляясь с коньяком обратно.

— Возможно. Однако у всех моих сотрудников большие потенциалы в издательстве, — обрывает меня Барри.

Промолчав, я кивком предлагаю ему выпить, но он отказывается. Плеснув себе в стакан алкоголя и добавив лед, возвращаюсь на место и все-таки возражаю:

— Но не такие, как у Оливии.

— Что ты хочешь этим сказать?

Сделав глоток и насладившись обжигающим содержимым стакана, я поясняю:

— Ты видел, как она отбирает тексты?

— Да.

— А по какому принципу их отсеивает, знаешь?

Барри задумчиво смотрит на меня. Он явно ждет момента, когда я продолжу.

— У мисс Кларк безупречный вкус на остросюжетную литературу, — не став его разочаровывать, замечаю я.

— Я не беру к себе тех, у кого нет вкуса!

— Да, но у Оливии он особенный.

— И какой же?

— Другие редакторы, которые, отсеивая литературу, не смотрят на полную составляющую сюжета. Им важнее, чтобы было просто написано, живо и с огоньком. Но Оливия старается выбирать такие сюжеты, которые не только будоражат кровь, но и затрагивают очень важные темы.

Я изучил ее досье, которое сделала мне Маргарет. Каждый ее проект уникален. Она не просто пытается выдвинуть какую-то книгу в массы, а проживает ее, с самого начала и до конца, буквально дышит ею. Эта девочка не просто редактор, она... как бы это сказать? — Я слегка задумываюсь, чтобы подобрать правильные слова. — Она алмаз издательства. Ее знания и опыт не заменит и десяток других редакторов. Маргарет всегда была уверена в ее работе и в ее силах. Если Маргарет доверяет Оливии, то и я доверяю.

Сделав еще один глоток, я чувствую, как все мои мышцы расслабляются. Барри молча наблюдает за мной и ожидает, когда я завершу начатую мысль. Выдержав небольшую паузу, чтобы он мог ощутить удовлетворение от ответа на свой вопрос, я добавляю:

— Талант автора заключается в способности передать сложные чувства простыми выражениями. А редактор должен помочь собрать эти чувства в простые предложения. Оливия больше, чем просто редактор. Я с весны следил за тем, какие книги выходят из-под ее руки. И больше чем уверен, что если бы ей выпал шанс работать не со мной, а с каким-нибудь другим автором, она бы сделала так, что этот автор стал дышать мне в затылок. А это, знаете ли, непревзойденный талант.

Уокер внимательно смотрит на меня и обдумывает услышанное. Мы всегда откровенно говорим друг другу о том, что требует внимания. Он нечасто со мной соглашается, но я с легкостью могу надавить на него в решающий момент каким-нибудь аргументом, чтобы он прислушался к моим словам. И в данный момент, учитывая то, что Оливия для него не просто рядовой сотрудник, у меня есть все инструменты для давления на него.

Сидя напротив Барри и наслаждаясь коньяком, который с каждой секундой все больше расслабляет мое напряженное тело, я с нетерпением ожидаю его ответа. И Барри, в общем-то, не заставляет себя долго ждать:

— Сначала произведения дают славу автору, а потом уже автор дает славу своим произведениям.

— Прекрасные слова.

— Шарль Луи Монтескье!

Мы на некоторое время замолкаем. Каждый из нас думает о своем. Потом наш диалог переходит на обсуждение кое-каких нюансов предстоящего выпуска книг, и время проходит совсем незаметно. Придя к общему пониманию и завершив разговор, мы жмем друг другу руки, после чего я выхожу в коридор и направляюсь к выходу.

Нажав на кнопку лифта, замираю в ожидании. Достая телефон и обнаруживаю бескрайнее море писем на почте от фанатов, которые благодарят меня за прекрасные романы и обретенный смысл жизни. Последнее мне очень льстит, и я довольно усмехаюсь.

Когда лифт наконец приходит, захожу в него и нажимаю на кнопку первого этажа. Но не успевают двери закрыться, как в проеме появляется женская туфелька. Машинально препятствуя закрытию дверей, я поднимаю глаза и вижу, что туфелька принадлежит мисс Кларк.

Глава 5

Оливия

Я спешу домой, поэтому бросаюсь вперед, когда двери лифта передо мной уже практически закрылись. Мне ничего не остается, кроме как остановить его, вставив мыс туфли между дверьми, за которыми оказывается Майкл Ким. «Интересно, почему он все еще здесь?» — удивленно думаю я, но выдавливаю из себя кривую улыбку и захожу в кабину. Лифт спускается вниз.

По лицу мужчины невозможно что-либо прочесть, он всегда достаточно скуп на эмоции. Осторожно наблюдая за Майклом, я ловлю себя на мысли, что мне становит-

ся не по себе рядом с ним. Мне омерзительно чувствовать его оценивающий взгляд с каплей презрения. «Нет, не с каплей, а с огромным вагоном презрения и высокомерия», — поправляю себя, слегка передергиваясь от его внимания. Мы едем молча, но это молчание тяготит меня. Майкл же, я думаю, чувствует себя весьма комфортно. Я переминаюсь с ноги на ногу в ожидании, когда лифт придет на первый этаж, и мне кажется, проходят несколько долгих часов. С каждой секундой я все сильнее хочу выйти из окружившего меня замкнутого пространства, чтобы побыстрее скрыться от внимания нежданного попутчика.

Наконец-то лифт звенит, сообщая о нашем благополучном прибытии на нужный этаж. Я радуюсь и, не дожидаясь, что мистер Ким проявит галантность и уступит дорогу, выхожу первой. Оглядевшись, спешу прочь с такой скоростью, будто опаздываю на поезд, поэтому отрываюсь от мужчины на довольно приличное расстояние.

На выходе неожиданно замечаю через пост охраны сильный ливень и останавливаюсь. «Черт! Я была настолько поглощена работой, что из моей головы вылетели слова Маргарет о непогоде и ее предложение подвезти меня! А зонт дома, потому что я не посмотрела с утра прогноз!» — мелькают в моей голове мысли, и я, проклиная себя за невнимательность, выхожу из стеклянных дверей, где меня окатывает косыми струями холодная вода на пару с ветром. Ледяные капли хаотично падают и разбиваются об асфальт, попадая на мои туфли. Автобусная остановка расположена всего в десяти метрах от входа в офис, но дождь только усиливается, что затрудняет мои шансы добраться до дома сухой.

«Если я выйду из-под козырька, то мгновенно промокну», — понимаю я и нервно кусаю нижнюю губу, ежась от холода и совершенно забывая о Майкле, которому удастся догнать меня. Когда его голос звучит рядом с моим ухом,

я мелко вздрагиваю от неожиданности и резко поворачиваюсь к нему.

— Дерьмовая погодка, да? — замечает он, пока мое сердце стремительно уходит в пятки.

«Твою мать! Он чуть не загнал меня в гроб такой выходкой!» — думаю я, а от ощущения его дыхания на коже становится противно. Оно оказывается теплым и размеренным, но в то же время от него разит алкоголем, поэтому я отстраняюсь и бурчу:

— Угу.

— Ждешь кого-то?

— А... ну да.

«И почему я замялась над ответом?» — задаюсь вопросом, но уже поздно что-либо менять.

— Что ж... — отзывается Майкл, а потом разворачивается и шагает из-под козырька в непогоду, роняя через плечо: — Очень жаль!

Он быстро скрывается за зданием, а я усмехаюсь ему вслед и вполголоса произношу:

— Ему жаль? Пфф! Жалость — это самое худшее, что можно предложить женщине! — цитирую вслух знаменитые слова Вики Баум.

Дождь тарабанит по козырьку, от падающих капель меня охватывает мелкая дрожь, которая пробегает тайфунном по всему телу. Я одета явно не по погоде. Укутавшись поплотнее в пиджак, вытаскиваю телефон и негромко чертыхаюсь: «Батарейка села, блядь! Еще бы, это же так похоже на меня!» Судорожно принимаясь искать пауэр банк в сумочке, спустя пару секунд вспоминаю, что не взяла его с собой.

— Да твою же мать!

Сделав глубокий вдох и закрыв глаза, пытаюсь успокоиться. «Сегодня был очень сложный день, который отобрал у меня много сил», — размышляю про себя, вытягивая руку из-под козырька и ловя ледяные капли дождя,

отчего ладонь за считанные секунды становится мокрой. «Отлично! Вот что мне теперь делать?»

Я мысленно просчитываю свои шансы, однако минутное умиротворение прерывает звук подъезжающей машины. Она выглядит дорого, у нее низкая посадка и тонированные стекла. Притормозив возле меня, она низко ревет, издавая приятные звуки. В какой-то момент мне кажется, что она приехала за мной. Впрочем, все красивые иллюзии быстро развеиваются, когда передняя дверь открывается и из машины выходит Майкл. Быстрым шагом он направляется в мою сторону. Я ощущаю проснувшееся любопытство. «Интересно, что он забыл?» — гадаю я.

Мужчина подходит ближе и говорит:

— Садись, подвезу.

Его тон достаточно сердит, отчего мне на мгновение чудится, что это не просьба, а приказ. Волосы у Кима влажные от дождя, кожаная куртка тоже мокрая — капли воды блестят на ней в отблесках уличного фонаря. Он даже не утруждается застегнуть ее, хотя дождь довольно холодный, в особенности в сочетании с весьма противным ветром. Рубашка местами прилипла к его телу и теперь выгодно подчеркивает фигуру. Из-за расстегнутой на одну пуговицу рубашки видны незамысловатые татуировки, которые хочется потрогать, провести пальцами по их изгибам. «Не будь Майкл такой сволочью, он вполне мог бы мне понравиться», — думаю я и мотаю головой, чтобы выкинуть эту непрошеную мысль. «Не стоит забывать, кто передо мной», — напоминаю себе и поэтому отвечаю:

— Спасибо, все нормально.

— Как по мне, ничего нормального, — упрямо заявляет он и, приблизившись ко мне, скрещивает руки на груди и смотрит на меня сверху вниз.

Отвечая на его взгляд, я ощущаю себя блохой, которую вот-вот прихлопнут.

— Правда, не стоит.

— Не стоит что?

Цокнув языком, дергаю плечом и максимально спокойно произношу:

— Не стоит меня подвозить.

— Тебя никто не спрашивал.

— Я не нуждаюсь в вашей помощи, Майкл.

Мне хочется как можно мягче произнести эту фразу, но на последнем слоге мой голос неожиданно дрожит. Меня чертовски привлекает его предложение, но, с другой стороны, я совершенно не желаю его принимать.

— Это не просьба. Полезай в машину и поехали, — с раздражением велит он.

— Не полезу.

— Не вынуждай меня.

— Не вынужд... — повторяю за ним, однако Майкл прерывает меня на полуслове:

— Полезай в чертову машину и поехали! Еще не хватало, чтобы ты свалилась с температурой и застопорила работу над моей книгой! — чуть ли не рычит он.

Его тон пугает меня. Свет уличных фонарей падает ему на лицо, освещая лишь правую сторону, но мне отчетливо видно, что мужчина взбешен. Его темные глаза пылают холодным и вместе с тем обжигающим огнем, отчего мне становится не по себе. Капли дождя стекают с его промокших волос, медленно спускаются по лицу, оставляя влажные дорожки. На долю секунды мне кажется, что весь мир замирает. Наклонив голову набок, я пытаюсь понять, почему он вернулся за мной, да еще и в таком настроении.

— Не нужно повышать на меня голос, — наконец говорю ему и фыркаю, шагая в дождь.

Мгновение — и я уже вся мокрая. Ветер пронзает мою кожу, кусает каждую клеточку тела.

— Оливия, черт тебя побери! — кричит Майкл мне в спину, размашистым шагом догоняя и хватая меня за запястье.

Не ожидав подобного, я сопротивляюсь изо всех сил. «Да как он смеет так нахально себя вести?!» — мысленно возмущаюсь я, пытаюсь вырваться.

— Отпустите! — требую я, повышаю голос и выкрикиваю: — Майкл!

Впрочем, этот нахал не реагирует. Моей силы едва хватает на пару ударов по его руке, на которые он не обращает внимания. Открыв переднюю дверь автомобиля, он притягивает меня к своей груди и требует командирским тоном:

— Полезай в машину! Немедленно!

Меня охватывает страх. Страх оттого, что я не могу понять его намерений. Мое запястье, которое сжимает сильная рука Майкла, начинает неметь, из-за чего кончики пальцев неприятно пульсируют.

— Не полезу! — вырывается у меня, пока надвигающаяся паника охватывает все мое существо.

Продолжая стоять с ним под дождем, я отчетливо понимаю, что мы оба легко можем заболеть, но над каждым из нас властвует гордость, которую никто не в силах перебороть. Я чувствую это нутром и знаю, что один должен уступить другому, однако остаюсь на месте.

— Убавь свое упрямство, детка, иначе оно убьет тебя! — цедит он сквозь зубы, и от его тона внутри меня все сжимается.

Чувствуя озноб от ливня, под которым мы оба промокаем насквозь, я ощущаю, как учащается мое сердцебиение. Сзади по ногам меня бьет теплый воздух, исходящий из салона автомобиля, а Майкл стоит как статуя, не двигаясь с места и по-прежнему вцепившись в мое запястье. «Что делать?» — задаю я себе вопрос, ведь гордость не позволяет мне послушаться, а здравомыслие подталкивает к иному решению. Смотря на нависшего надо мной мужчину, я не понимаю, как мне поступить. «Какому соблазну поддаться в этот раз?» — спрашиваю себя, а Майкл недобро щурится и сильнее сжимает мое запястье.

— Так и будешь молчать, как рыба?

— Ай, Майкл! — вскрикиваю я. Терпя изо всех сил, стараюсь сохранить благоразумие. — Отпустите! Мне больно!

— Отпущу, когда сядешь в машину.

«Принять решение оказалось бы сложнее, если бы на улице стояла другая погода. Я и правда не хочу заболеть именно сейчас, когда от меня требуется выполнение огромного объема работы», — приходит ко мне осознание, и я, смирившись с тем, что он победил, поддаюсь. Отпустив меня, Майкл помогает мне забраться в машину и хлопывает за мной дверь. В машине тепло, а кожаный салон приятно пахнет чем-то цитрусовым.

Заняв место водителя, Майкл приглаживает мокрые волосы и смотрит на меня. Светодиодная подсветка придает его профилю некую загадочность. На его лице еще видны мокрые дорожки от капель, а рубашка насквозь промокла, но мне до этого нет дела. Повернувшись к нему, я улавливаю в его взгляде еле заметный отблеск злости, который не воодушевляет меня.

— Маргарет не упоминала, что ты упертая, как баран, — оскалившись, замечает он.

Ничего не отвечая, я молча смотрю на него. Ким же, демонстративно вздохнув, наклоняется так близко, что его лицо оказывается в нескольких сантиметрах от моего. Съежившись, я машинально выставляю ладони вперед, чтобы оттолкнуть наглеца, который с каждой секундой пугает меня все больше и больше.

— Да тише ты, *lilla katten*¹, — произносит он, пристегивая меня ремнем безопасности и отстраняясь.

Переводя дыхание, я чувствую, как мое сердце учащенно бьется. «Он был так близко, что я смогла разглядеть черные ресницы, кожу и волосы. И почему мне показана

¹ Популярное выражение из игры «Клуб романтики», в переводе «котенок», «маленькая кисонька» и т. п.

лось, что он хотел причинить мне вред? — постепенно сгораю я от стыда за свое поведение. — Майкл всего лишь предложил меня подвезти. И он просто меня пристегнул ремнем безопасности. — Мои щеки стремительно заливаются румянцем. — Господи, я полная дура!»

Мужчина пристегивает свой ремень безопасности и нажимает на газ. Шины визжат, и я краем глаза успеваю заметить довольную ухмылку на его лице.

Выехав с территории издательства, мы движемся вперед по магистрали.

— Говори адрес.

— Высадите меня у ближайшего метро, — отворачиваясь к окну, прошу у него.

«Все равно мне неловко ехать с ним вот так вот рядом. Я не знаю, что он за человек, а оттого, что он популярный автор, мне легче не становится», — думаю я, едва заметно хмурясь.

— По-моему, ты не уяснила предыдущий урок, — сухо бросает в ответ мужчина.

Майкл ведет машину крайне спокойно, совершенно не превышая скорость, но от того, что он выпил, мне не по себе. Мой уровень социальной адаптации душит меня, привнося в разум страшные вещи. «А вдруг мы разобьемся? Или в нас кто-нибудь врежется?» — начинаю я снова паниковать.

— Вы выпили. Это небезопасно, — вслух сообщаю я ему.

— Для тебя?

— Для всех.

В машине воцаряется тишина. Я чувствую, что до сих пор не согрелась, но пытаюсь сдержать дрожь, которую становится все сложнее контролировать.

— Замерзла? — без лишних эмоций спрашивает Майкл.

— Я в порядке.

Он прибавляет градусов на кондиционере, и салон начинает заполняться теплым воздухом. Тихо выдыхая,

я чувствую, как тепло постепенно пробирается в мое тело, унимая дрожь и согревая каждую клеточку. «Как же приятно», — размышляю я, позволяя себе немного расслабиться и улыбнуться.

Мы молча едем по дороге, вдали перед очередным съездом виднеется пробка. На город опускаются сумерки, подчеркивающие красоту подсветки на высоких зданиях. Но по машине барабанит ливень, и от этого в воздухе витает депрессивная атмосфера. Улавливая ее, я ощущаю желание поскорее залезть под теплое одеяло и не выбираться оттуда до тех пор, пока другая погода не сменит эту.

Майкл закуривает, и салон наполняется сигаретным дымом. Он курит приятные сигареты с ароматом вишни или черешни, но я не могу понять, какие именно. Если честно, я была бы тоже не прочь выкурить сигаретку-другую, в особенности после такого сумасшедшего дня.

Кресла в машине Кима удобные и мягкие, с подогревом. «Наверное, его автомобиль стоит целое состояние, которое я не заработаю и за всю жизнь. Такую он на авторский гонорар вряд ли мог себе позволить. Маргарет вскользь упоминала, что Майкл владеет каким-то автомобильным бизнесом, поэтому частенько их работа переносилась из-за важных встреч. Интересно, что у него за бизнес?» — припоминаю я, но мои рассуждения прерывает радио, которое включает мужчина. Играет композиция «Take Me To Church», которая своим мрачным текстом нагоняет на меня еще большую тоску.

— Если ты не скажешь свой адрес, тебе придется ехать ко мне.

«Лучше бы ты сидел, молча курил и следил за дорогой», — мысленно ворчу я, однако вслух язвлю:

— Не самое худшее, что могло бы произойти.

— Ты так думаешь? — выгнув бровь, интересуется Майкл и смотрит на меня, выдыхая едкий дым, который щекочет мне нос.

«Если он действительно думает, что я останусь у него, то он ошибается. Этому не бывать», — твердо решаю я. Откашлявшись от сигаретного дыма, перевожу взгляд в окно и начинаю:

— Я надеюсь...

Майкл еле слышно подпевает припеву песни, прикрыв глаза. У него оказывается мягкий бас, и я замечаю, что он отлично попадает в ноты. Тихо хмыкнув, ловлю себя на мысли, что, должно быть, он поет идеально, когда набирается совсем в зюю.

— Проспект Андрова, дом три.

Майкл делает вид, что не слышит меня, и продолжает покуривать сигарету с закрытыми глазами. С каждой минутой мне все больше хочется побыстрее избавиться от его общества. «С одной стороны, я ему благодарна за то, что он унял мою гордость и уговорил меня с ним поехать, но с другой... Меня сильно напугала его напористость», — думаю я, а мое запястье горит в том месте, где он прикасался к нему. Я не хочу рассматривать сейчас травмированное место, но твердо знаю, что наутро там будет синяк.

Мы медленно продвигаемся вперед, и от этого я ерзаю на месте все больше. Моя одежда промокла до нитки, поэтому мне отчаянно хочется поскорее добраться домой, принять горячий душ и навсегда забыть прошедший день.

Я стараюсь не глядеть на Майкла, но он неведомым образом разжигает во мне любопытство. Когда он смотрит на дорогу, я краем глаза изучаю его профиль, ведь мне хочется знать, с кем в дальнейшем мне предстоит работать. «Его внешность выглядит достаточно экзотично. Маргарет говорила, что его мать корейка, а отец европеец, и он явно унаследовал многие черты от матери. В особенности это заметно по его большим карим глазам и узкому подбородку с высоко посаженными скулами. А вот тонкие губы и не слишком широкий нос с высокой переносицей ему, видимо, достались от отца. Овал лица слег-

ка вытянут, что придает ему мужества. Еще он следит за своим телом, это видно невооруженным глазом. Мышцы так и норовят вырваться из-под одежды, чтобы показать свою силу и мощь. Думаю, Майкл много времени проводит в спортзале, потому что в Инстаграме все девчонки сохнут от его торса. Признаться, меня тоже впечатлило последнее фото. Равно как и то фото с татуировками, которое Роуз показала мне на телефоне», — мысленно констатирую про себя и отворачиваюсь к окну, чтобы немного усмирить свой интерес к этому мужчине.

В какой-то момент телефон Майкла звенит. Тихо выругавшись, он принимает звонок.

— Слушаю.

Голос в динамике трещит так, что я не могу разобрать ни слова.

— Мне плевать. Пусть делают так, как мы решили.

Собеседник в трубке начинает говорить на повышенном тоне, но по выражению лица Кима понятно, что ему плевать.

— Либо они делают так, как мы решили, либо шли их на хуй со своими предложениями. Я не буду рисковать репутацией компании, на которую угробил половину своей жизни, ясно?

Неизвестный что-то бурчит в ответ, и Майкл резко смотрит на меня. От его взгляда мне становится неуютно, поэтому я зябко ежусь.

— Да какой, к черту, аванс? — злобно выкрикивает он. — Пускай платит все, или на хер это сотрудничество!

Спор стремительно набирает обороты. Следующие минут пять, пока мы пытаемся выехать из пробки, Майкл пререкается с неизвестным человеком по телефону, выдавая сухие и короткие фразы. Выехав на Е51, Майкл прибавляет газу, и мы мчим вперед по мокрой дороге. Закончив разговор, он закуривает очередную сигарету и негромко сообщает:

— Завтра тебе нужно будет быстро вникнуть в особенности работы со мной.

«Лучше бы он молчал или разговаривал по телефону. Мне уже невыносимо находиться с ним в одной машине!»
Вслух я отвечаю:

— Я уже поняла.

— Понять тебе стоит одно: мне не нужно перечить, — осаживает он меня.

— Я и не собиралась, — отрезаю в ответ.

Меня все больше раздражают его тон, парфюм, характер и внешность. «Да кто он такой, чтобы так со мной разговаривать?! Еще и насильно запихивать в машину, делая некое одолжение?» — спрашиваю себя, чувствуя злость.

— Заруби себе на носу: ты редактор, которому позволяют не просто делать свою работу, а работать со мной.

— Но я не рабыня, чтобы мною командовали.

«Какой же он высокомерный! А я-то, дура, уже решила, что все это ложь. Как же он меня бесит! Дьявол!» — мысленно чертыхаюсь я, сжимая пальцы травмированной руки в кулак.

— Я уже выше озвучил, что не стоит мне перечить.

— Так вам нравятся покорные женщины? — интересуюсь я и смотрю на него исподлобья.

— Тебе нужно обрезать язык. Вполне возможно, что тогда, с очень незначительным процентом вероятности, ты все же сможешь стать моей рабыней.

— Звучит цинично и высокомерно.

— Ты получаешь ноль баллов за красноречивость.

— Значит, чтобы расположить вас к себе, мне придется зарабатывать баллы? Что за детский сад? — спрашиваю я и, усмехнувшись и цокнув языком, вновь отворачиваюсь к окну.

«Черт возьми, тут даже некуда взгляд перевести, в этой дьявольской машине!» — мелькает у меня раздраженная мысль.

— Детский сад — у тебя в голове. Видимо, ты промокла до такой степени, что мозги уже отказывают.

Майкл явно издевается надо мной. «Как говорится, от любви до ненависти — один шаг», — мысленно отмечаю я, но ничего не говорю, а поэтому оставшуюся часть пути мы молчим.

Проклиная себя за то, что вообще согласилась поехать с ним, я не ищу себе оправданий, уже смирившись с допущенной мною оплошностью. «Пожалуй, это худшая поездка в моей жизни», — понимаю я.

Когда мы доезжаем до моего дома, Майкл удивленно роняет:

— Ну и дыра!

Продолжая молчать, я просто мечтаю выйти из ЕГО машины и смыть с себя запах ЕГО сигарет. И по возможности никогда больше ЕГО не видеть. Однако, увы, последнее желание невыполнимо. По крайней мере, на данный момент.

Когда Майкл паркуется, я быстро отстегиваю ремень безопасности, а он выходит из машины, снимая с себя кожаную куртку, и идет так стремительно, что я не успеваю опомниться, как он появляется рядом с моей дверью.

— Шевелись! — приказывает он мне.

Я вылезаю из салона и оказываюсь под его мускулистыми руками, которыми он держит куртку над нами. На улице зверски холодно из-за непрекращающегося дождя, поэтому мы быстро доходим до дома.

Стоя уже около двери под козырьком, произношу:

— Спасибо.

— Если ты завтра свалишься с температурой, я лично придушу тебя в твоей потной кровати, поняла?

Его слова звучат настолько грубо, что я чуть ли не даплюсь собственной гордостью. «Да как он смеет так со мной разговаривать?!» — в который раз возмущаюсь я про

себя, желая открыть рот и сказать ему пару ласковых слов, но Майкл быстро разворачивается и уходит.

— Наконец-то, — со свистом вырывается у меня.

Найдя ключи в сумочке и зайдя в дом, я ощущаю долгожданное спокойствие. Запершись на все замки и раздевшись, первым делом бегу ставить телефон на зарядку, поскольку переживаю, что могла пропустить важные звонки от своих авторов. Впрочем, все мои переживания совершенно напрасны — пару минут спустя мой телефон приветливо пиликает, и я проверяю пропущенные звонки и сообщения, после чего окончательно успокаиваюсь. С трудом поднявшись на второй этаж, чувствую слабость во всем теле, но знаю, что моя заветная мечта вот-вот свершится. Зайдя в свою скромную спальню и раздевшись, быстрым шагом направляюсь в ванную, расположенную за соседней дверью.

Теплые струи воды расслабляют мои мышцы, а в голове у меня вертятся мысли о сегодняшнем поведении Майкла. «Что его сподвигло так агрессивно отнестись ко мне? — не понимаю я, а его образ не выходит из моей головы. — Густые брови, темные глаза с холодным блеском, мокрая рубашка, прилипшая к накачанному телу, сильная рука, сжимающая мое запястье...» — спешно вспоминаю я, но потом мотаю головой, чтобы отбросить все мысли, и пытаюсь сконцентрироваться на горячей воде, которая нежно ласкает мою кожу.

После душа, к великому сожалению, меня ждет работа, которую хочется доделать до конца. Спустившись вниз в кухню, ставлю чайник на плиту и в ожидании его готовности решаю разгрести почту. «Когда ты работаешь редактором, свободного времени у тебя практически не бывает. Приходится быстро привыкнуть к тому, что у тебя нет понятия «выходной». Или мне так просто кажется...» — размышляю я, устроившись за кухонным столом.

Пока почта загружается, чайник радостно начинает посвистывать. Мои запасы чая просто огромны, а пото-

му я, порыскав в них, замечаю чай с жасмином. Протянув к нему руку, чувствую, что запястье снова начинает ныть от боли. Не обращая на это внимания, принимаюсь заваривать чай, размышляя на отвлеченные темы. Отпечатки рук Майкла отчетливо виднеются на моей коже, и я, рассматривая их, совершенно не замечаю, как переливаю кипяток через край.

— Да чтоб тебя! — ругаюсь сквозь зубы.

Вода растекается по столешнице и начинает капать на паркет. Подхватив тканевую салфетку, быстро убираю образовавшуюся лужу, а потом наконец-то сажусь за ноутбук и принимаюсь за работу.

До конца недели мне требуется составить несколько отчетов и таблиц, чтобы передать их своим коллегам. «Скоро моей головной болью должны стать романы Майкла Кима. Да и он сам, мать его», — тревожит меня мысль, которая не добавляет мне оптимизма.

Открыв почту, я вижу, что она буквально разрывается от рукописей молодых писателей. Вдобавок поверх всего оказывается еще и конкурс на литературном сайте, где отбираются работы для дальнейшей публикации в разных сериях. Вздохнув, я принимаюсь за просмотр чужих текстов, отправляя работу за работой в корзину с пометками вроде «скучно», «фанфик», «слишком жестко», «не та категория», «снова фанфик», «жалкая пародия» и так далее.

Когда я заканчиваю и смотрю на время, то обнаруживаю, что прошло уже больше четырех часов, а на дворе практически два часа ночи. Решив, что мне требуется как следует выспаться, дав отдохнуть не только голове, но и телу, иду искать обезболивающую мазь. Перерыв всю аптечку, но все же найдя заветный тюбик, я смазываю запястье, чищу зубы на ночь, с облегчением выдыхаю и направляюсь в спальню.

— Надеюсь, что сегодня я выплусь! — заявляю себе, мимоходом глянув на отражение в зеркале.

И едва только ложусь в кровать, сразу же проваливаюсь в сон.

* * *

Я просыпаюсь в незнакомой комнате, в которую плотные шторы не пропускают солнечный свет, поэтому мне кажется, что на дворе еще ночь. Дверь резко распахивается, и на пороге показывается человек в черном одеянии, которое представляет из себя кофту с капюшоном, скрывающим лицо, и классические брюки. Проходит пара минут, в течение которых мы внимательно смотрим друг на друга, а потом неизвестный кидается в мою сторону. Навалившись всем весом, он принимается душить меня, его руки сжимают мою шею, надавливают на сонную артерию. Сопrotивляясь нападающему из всех сил, я бьюсь в конвульсиях и не могу издать ни единого звука, слышу только противный звон в ушах.

Каким-то чудом все же скинув незнакомца с себя, бросаюсь в кромешную тьму, но улавливаю слабый свет в конце коридора и бросаюсь к нему. Впрочем, я не успеваю забежать за угол, поскольку кто-то дергает меня за плечи. Потеряв равновесие и ударившись об стену, падаю на паркет. Сильная боль пронзает мою спину. Все мое сознание охватывает дикая паника, но я все равно пытаюсь встать на ноги. Сильные руки вновь дергают меня, прижимают к стене спиной и обвивают мое горло, словно удавкой. Я снова сопротивляюсь, но неизвестный тяжело дышит, прильнув к моему уху губами, он еле слышно шепчет: «Ты будешь служить мне, сучка!» Забившись в агонии, дергаю ногой вверх, целясь незнакомцу в пах, чем заставляю его скорчиться от удара. Секундная заминка дает мне маленький шанс сбежать от того, которым